

ШТРАФБАТ

ЭДУАРДА ВОЛОДАРСКОГО

Если в титрах кино- или телефильма стоит имя сценариста Эдуарда Володарского, можно не сомневаться: фильм стоящий. За свою жизнь он написал сценарии к 70 фильмам.

— То, о чем вы говорите, очень процветало в советские времена. Режиссер стремился в соавторы сценария исключительно из-за денег. Его гонорар за фильм весьма прилично возрастал, если он еще и соавтор сценария.

— А к вам режиссеры навязывались?

— Я их сразу посылал на ... Случалось наоборот: мы вместе с Михалковым писали сценарий фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих», придумывали эпизоды и так далее. Никита по праву был соавтором сценария, но не хотел, чтобы я ставил его фамилию как сценариста. Во имя справедливости я это сделал.

— Я звонил вам на дачу, в поселок Красная Пахра. Кто ваши соседи по даче?

— Многие уже умерли: Трифонов, Нагибин, Твардовский. Слава Богу, живы Рязанов, Бакланов, недавно, лет десять назад, здесь появилась Виктория Токарева. Юрий Бондарев тоже здесь живет. Все! Остальные померли: Тендряков, Симонов, Герлт. В общем, писательский поселок, к большому сожалению, вымер. Но появились огромные трехэтажные особняки новых русских, вокруг них ходят охранники в пятнистой форме. Я эти рожи выносить не мог, старую дачу продал, перебрался ближе к реке.

— Вы, говорят, на своем участке разрешили построить дачу своему другу Владимиру Высоцкому...

— Володя нигде не мог построить дачу, ни в один дачный кооператив его не принимали, потому что жена — Марина Влади — иностранка, а вокруг Москвы все дачные зоны соседствовали с секретными. Рядом с Пахрой, например, находится городок физиков-атомщиков Троицк... Я предложил Володе: ставь свою фазенду на моем участке! Это, в общем-то, было незаконно: второй дом на участке строить запрещено, но я, помню, схитрил: это будет, говорю, мой архив и библиотека.

— Владимир Семенович успел попользоваться дачей?

— Нет. В марте 1980 года строительство закончилось, а в июле он умер. После его смерти Марина стала требовать, чтобы я разделил участок. А как? Хозяин участка и дачи не я, а коопера-

тив. Правление на меня орало: «Исключим из кооператива, ты построил дом для Высоцкого незаконно. Сноси его к чертовой матери!» Покойный отец Высоцкого, Семен Владимирович, имел дачу в Загорянке, так вместе с внуками, сыновьями Володи, дом разобрали — он был бревенчатый — и отсюда перевезли дачу.

— Высоцкий, как и вы, был полукровкой. Вы с ним «национальный вопрос» обсуждали?

— Иногда, во время поддачи, я говорил ему: давай уедем к едрене фене! Володя отвечал: «Ну куда мы поедем? Кому мы там нужны? Здесь хреново (он употреблял другое слово), но здесь мы хоть кому-то нужны...» Но должен вам сказать вот что: и я, и Володя выросли в подворотне, он в Большом Каретном, я в Замоскворе-

чье, и там различий в национальностях не было. Да и в кинематографе — тоже.

— Поговорим о российском кино. Кроме уголовных сериалов, снято что-то настоящее? Можете назвать имена талантливых режиссеров, сценаристов?

— То, что происходило в нашем кино на протяжении последних десяти лет, было полным кошмаром. Объясню это просто: в кино не стало государственного финансирования. Раньше система была идеальная, меня лично она не устраивала только из-за одного: цензуры. Цензура душила меня, все остальное работало хорошо, студии функционировали на полную мощность, запускались картины. Когда госфинансирование прекратилось, работать мог только тот, кто доставал деньги. Почти все профессиональные режиссеры и сценаристы остались без работы. Кинематограф заполнили те, кто умел доставать деньги. А умеет он снимать кино, не умеет — дело десятое. Сейчас начались какие-то положительные сдвиги, хотя полного финансирования кино, как это было раньше, нет. Министерство культуры финансирует кино на 50%, а остальные 50% ты должен доставать сам.

— И все-таки: талантливые ребята появились?

— Я могу назвать несколько имен: Лебедев, Балабанов, Рогожкин, молодой Янковский, Месхиев...

— Бортко?

— Володя Бортко — человек моего поколения, прекрасно снявший «Собачье сердце», а теперь «Идиота». Многие старики неплохо работают.

— Сокуров, например, да?

— Ну он не старик... Как раз для меня это — мыльный пузырь. В его кино зритель должен что-то подозревать, решать ребусы. И думать: чем оно многозначительней, тем талантливей.

— Полагаете, в Каннах ему правильно не дали главный приз?

— Абсолютно. Я удивляюсь,

как ему вообще что-то дают. Мне его картины не по душе: ни про Ленина, ни про Гитлера. Все это фуфло, поверхностная спекуляция жареным. Режиссуры никакой там нет, работа оператора — посредственная. Я могу ошибаться, но за этой фигурой я ничего серьезного не вижу. У нас тоже, как в Америке, есть всякие кланы. Так вот, наш, российский клан «голубых» Сокурова поддерживаете страшно...

— Никита Михалков давно ничего не снимал...

— Сейчас как раз готовится к картине, заканчивает сценарий. Где-то осенью должен начать снимать. Фильм о войне, называться будет «Утомленные солнцем-2», это продолжение «Утомленных солнцем».

— Случайно ли, Эдуард Яковлевич, что вы пишете сценарий о войне, Михалков готовится снимать фильм — тоже о войне?

— Конечно, не случайно. Десятилетие ниспровержения всего и вся кончилось. Война была нашим правым делом, для меня она — священная. У меня не только отец погиб, но и два дядьки со стороны матери: один под Белградом, другой во время Курско-Орловской битвы. Дядька со стороны отца тоже погиб, в самом конце войны. Тетка моя была партизанкой, ее контузило, умерла она в нищете. У нас же как? Все для ветеранов, а на самом деле — вранье одно.

— Вы сейчас пишете сценарий многосерийного телевизионного фильма «Штрафбат». В двух словах, о чем он?

— О том, что наши генералы воевали мясом. Жуков, конечно, великий полководец, но большего мясника, чем он, в истории не знаю. У немцев не было даже такого понятия: штурм. Ни одного города они не брали штурмом! А мы кляли тысячи людей за село, за какую-нибудь поганую высоту, которая, как потом оказывалось, на хрен никому не нужна. Вот об этих бессмысленных жертвах я и пишу сценарий.

— Когда запускается фильм?

— В июле. Сейчас дописываю, доделываю, довожу до кондиции, что ли.

— Читателю всегда интересно знать о семейной жизни известного человека...

— Что вам сказать? Семейной жизни как таковой в 62 году уже нет. Дети вспоминают об отце, когда деньги нужны, лучшие друзья ушли в мир иной. Одиночество — вещь необходимая и полезная, но когда его в избытке, оно начинает тяготить. Может быть, из-за возраста все меньше остается людей, которых ты с удовольствием хотел бы видеть.

— Как у Бунина: «Хорошо бы собаку купить»?

— Попали в точку: у меня их две.

Владимир НУЗОВ

— Эдуард Яковлевич, как вы стали сценаристом?

— Случайно. Работал в Сибире, прочитал в «Комсомолке» объявление: начинается прием на сценарный факультет ВГИКа. На творческий конкурс нужно прислать рассказы, повести, в общем, все, что есть.

— А кем вы тогда работали?

— Сначала, в Москве, — грузчиком на сахарном заводе. Потом уехал в геологическую экспедицию, как раз в те места, где сейчас нефть добывают: Салехард, Приполярный Урал. И оттуда послал во ВГИК несколько своих рассказов, в общем, без всякой надежды. Но неожиданно получил ответ: приглашаем вас на экзамены. Шел 1962 год, я приехал в Москву и, к своему удивлению, в институт поступил. С первого, заметьте, раза, в мастерскую Евгения Габриловича. Не знаю, что там произошло, но я ему понравился, и он меня взял.

— Какой первый фильм был снят по вашему сценарию?

— По рассказу «Бешеная» Александр Сурин в 1968 году снял фильм «Дорога домой». Судьба его печальна, поскольку он не понравился тогдашнему министру кино Романову. Картину страшно изрезали, искалечили до неузнаваемости и выпустили в так называемый клубный прокат. То есть не в массовый прокат, а для творческих клубов. Копий было отпечатано очень мало... Вторую картину по моему сценарию, «Проверка на дорогах», снял Алексей Герман. У нее судьба вообще трагическая — она пролежала на полке 15 лет. Другая картина Германа, снятая по моему сценарию, «Мой друг Иван Лапшин» — 9 лет.

— Примерно год назад я прочитал вашу резкую статью или письмо — не знаю, как точнее сказать, — об Алексее Германе...

— Я решил высказать Герману все, что о нем думаю. У Германа всегда была манера строить из себя обиженного, несчастного, всеми преследуемого художника. А жил-то он припеваючи — даже тогда, когда картины ложились на полку. Когда картины резали, я снова стал работать грузчиком на заводе — не на что было жить. А Алексей Герман был сыном богатого, очень богатого писателя — Юрия Германа. У него была кличка «ленинградский Шолохов», он дружил с сильными мира сего, писал о доблестной милиции, о Дзержинском и тому подобную дребедень. Леша не особенно-то стремился снимать кино — из-за папиных денег. Снял картины, их положили на полку, а слава о нем идет как о гонимом гениальном режиссере. Хотя я не считаю его гениальным, ибо все новое — это хорошо

забытое старое. В Германе есть одна хамская черта — совершенно не считаться с людьми, не помнить добра. Это меня возмущало всегда... Алексей был вторым режиссером у замечательного мастера Владимира Венгерова на фильме «Рабочий поселок». Так вот, если взять этот фильм Венгерова, «Мать» Пудовкина или «Окраину» Барнета, то сразу становится понятно, откуда взялся режиссер Алексей Герман. А он не то что вспоминать Венгерова, даже говорить о нем не хочет. Почему? «Вот он я, самородок Герман, сам все придумал, до всего дошел мощью своего таланта». Обо всем этом я и написал ему в письме. Ну и еще о том, что он — страшный лжец, это касается, например, того же «Лапшина». Герман писал, что это он подбирал актеров к фильму, ездил за ними в Сибирь и так далее. Полное вранье! Всю эту работу проделал второй режиссер Виктор Аристов — он, а не Герман нашел и привез артистов в Ленинград на съемки.

Я много лет дружу с Никитой Михалковым, и меня всегда бесило, что Герман при каждом удобном случае шипал Никиту: писательский де сынок. А ты чей? Чем ты отличаешься от него? Ничем абсолютным! Так же жил в сытости, в тепле, как у Христа за пазухой. Зависть — страшная вещь. Михалков собрал все какие есть в мире кинематографические призы. А у Леша Германа нет ничего! Письмо Герману было вызвано в основном тем, что Герман превратился в священную корову: его трогать нельзя, а он всем сестрам раздает по серьгам. Этот — фашист, тот — недоносок, этот — бездарный и так далее. Да какое ты имеешь право гавкать на всех? А его — не тронь! Полная толерантность к самому себе и полная же нетерпимость ко всем остальным.

— Бог с ним, с Германом, Эдуард Яковлевич. Я хочу спросить вас вот о чем: в титрах фильма режиссера часто можно видеть в качестве соавтора сценария. Чем это вызвано? Только ли теснотой?